

Глава 15. Простая хитрость подчиняет братьев (Часть 2)

Приняв твердое решение, братья снова склонились перед изваянием Будды, коснувшись лбами холодного пола. Едва они поднялись на ноги, как с каменных ступеней у входа донеслись шаги. Выбежав на галерею, они увидели белобородого даоса в темно-синем халате. Шел он неторопливо, и весь его облик — величественный, отрешенный от мирской суеты — выдавал человека глубокой духовной практики.

Братья сразу поняли, что это и есть тот самый Ванчэнь, которого они искали. Поспешив навстречу, они почтительно поклонились:

— Осмелимся спросить, не вас ли величают почтенным Ванчэнем?

— Все верно, это мое скромное имя, — ответил даос, остановившись. — Чем же я могу помочь вам, молодые люди?

Братья торопливо заговорили, перебивая друг друга:

— Почтенный, мы ждем вас здесь уже не первый час! Мы пришли по поручению старшего молодого господина Цзя Чжу из Жунфу, чтобы передать вам вот это...

Они подробно пересказали напутствие Цзя Чжу и бережно протянули даосу узел.

Ванчэнь принял сверток и развязал его. Внутри лежали серебряные слитки и добротная теплая одежда. Стоявшие рядом братья так и замерли от удивления — они и подумать не могли, что все это время несли с собой столь ценные вещи.

— Молодой господин Чжу слишком щедр, — покачал головой Ванчэнь. — К чему такие траты? Накануне старая госпожа, второй господин и его супруга уже поднесли мне обильную милостыню, чтобы в пути я ни в чем не нуждался. Да и собратья-монахи снабдили всем необходимым. Для того, кто отрекся от мира, лишняя поклажа в дороге — лишь обуза.

Вздыхнув, он все же аккуратно завязал узел, а затем достал из рукава несколько мелких серебряных монет и протянул братьям в награду. Те почтительно поклонились и приняли подношение.

— Когда вернетесь в поместье, — добавил даос, — передайте молодому господину мою глубокую благодарность. Передайте, что у него много забот, и ему не стоит утруждать себя проводами. Как только я вернусь в храм Чунсуй, то положу его охранный талисман перед изваянием Лао-цзы. Он пробудет там положенные сорок девять дней, после чего я пришлю его в усадьбу.

Братья послушно закивали, запоминая каждое слово. Ванчэнь подозвал молодого послушника,

передал ему узел и, заложив руки за спину, неторопливо удалился. Цяньшуан и Цяньсянь вернулись под своды главного храмового зала, чтобы продолжить ожидание.

На сей раз ждать пришлось недолго. Снаружи послышался торопливый, сбивчивый топот ног. В залу вбежал юноша в простой одежде слуги. С безумным лицом он дважды обошел вокруг изваяния архата, хватаясь за голову и причитая:

— О небо, о милосердное небо! Мой узел... где мой узел?! Неужели пропал?! Это же верная гибель для нашего господина!

Братья переглянулись. Цяньшуан шагнул вперед и мягко спросил:

— Братец, что с тобой? Какая беда стряслась?

Слуга, едва переводя дыхание, взмолился:

— Беда, страшная беда! Мой хозяин по неосторожности перешел дорогу местному богатею. А тот, на наше несчастье, приходится родней уездному судье. Моего господина тут же упекли за решетку и заявили, что выпустят не меньше чем за сто пятьдесят лянов серебра! Хозяйка вместе с молодой барышней и молодым господином едва-едва наскребли по сусекам сто лянов, а меня отправили заложить последние семейные украшения, чтобы выручить еще пятьдесят. Я все собрал, шел в присутствие, но на дороге заприметил шайку бродяг. Испугался, что отберут последнее. Подумал, что этот храм тихий, к тому же семейный, чужаки сюда соваться побоятся. Вот и спрятал узел под алтарем, решив переждать, пока разбойники уйдут. А вернулся — и пусто! О небо, что теперь делать?! Как мне спасти хозяина?!

Услышав это, братья поверили ему почти безоговорочно. Однако Цяньшуан, решив проявить осторожность, спросил:

— Скажи, а как выглядел твой узел? И что именно в нем лежало?

Юноша торопливо закивал:

— Он был завернут в ткань цвета увядающей розы! Внутри — ровно сто лянов чистого серебра, жемчужная шпилька, резной золотой замочек на счастье, пара золотых браслетов и золотая гривна!

Описание сошлось в точности. Поняв, что перед ними законный владелец, братья вытащили спрятанную ношу.

— Твоя правда, — с облегчением улыбнулся Цяньшуан, протягивая ему сверток. — Мы нашли его под статуей, но побоялись уходить или отдавать кому попало. Вот и ждали тебя здесь несколько часов. Забирай свое добро.

Слезы на лице юноши мгновенно высохли. Схватив узел, он торопливо развязал его, проверил содержимое и просиял:

— Все цело! Все до единой монетки! Спасибо вам, благодетели, век вашей доброты не забуду! Небо обязательно вознаградит вас за честность! Мне нужно спешить в управу, пока господина не перевели под стражу. Простите, что не могу отблагодарить вас прямо сейчас, но клянусь — я верну этот долг!

Он отвесил братьям несколько глубоких поклонов, закинул узел за плечо и вихрем вылетел из храма.

На душе у братьев стало легко и радостно. Все разрешилось как нельзя лучше. Солнце еще не зашло, так что они вполне успевали вернуться в город до того, как закроются ворота. Они еще раз преклонили колени перед изваянием Будды, благодаря его за покровительство, и покинули обитель.

К тому времени, как братья вернулись в Жунфу, старший молодой господин Цзя Чжу уже закончил занятия и отдыхал в своих покоях.

Конечно, вся эта история с «потерянным» в павильоне Хэсянь узлом была не более чем проверкой. Цзя Чжу хотел испытать честность и рассудительность братьев, а роль безутешного слуги блестяще сыграл его собственный доверенный слуга Помо, переодевшись в простую одежду.

Выслушав подробный отчет Помо, Цзя Чжу остался крайне доволен. Будь эти двое жадными или бесчестными, они бы сразу прикарманили серебро — свидетелей в пустом храме не было. Но они не только не польстились на чужое богатство, но и проявили редкую рассудительность, решив дожидаться хозяина, вместо того чтобы бросить узел или уйти. Именно такие преданные и умные люди были нужны Цзя Чжу.

За последние несколько лет, по мере того как Цзя Чжу вырослел и набирался ума, он без сожаления избавился от прислужников, которых к нему когда-то подослали матушка Цзя и госпожа Ван. Все эти бездельники, любители пожить за чужой счет, доносчики, сплетники и подстрекатели были выдворены из его двора под благовидными предложениями. В итоге у него осталось куда меньше прислуги, чем у других господ в поместье Жунго. Особенно мало у него было слуганок: в личных покоях прислуживали лишь две доверенные старшие горничные — Инхэ и Лэнхэ, а все остальные, включая чернорабочих и судомеек, держались строго на внешнем дворе. Цзя Чжу прекрасно понимал: прояви он сейчас излишнюю мягкость — и распущенность слуг рано или поздно погубит его самого.

Старшему из братьев, Цяньшуану, исполнилось шестнадцать лет; младшему, Цяньсяню, было всего четырнадцать.

Вызвав их к себе в кабинет, Цзя Чжу решил сразу установить правила игры:

— Раз уж вы решили служить мне, извольте соблюдать мои законы. Бездельников и дармоедов я не терплю. Если кто-то умеет только красиво говорить, а на деле лишь путается под ногами и создает проблемы — вылетит отсюда в тот же миг. Отныне ведите себя тихо, скромно и добросовестно выполняйте то, что вам поручено. Пусть каждый знает свое место и свое дело.

Братья поспешно закивали, ловя каждое его слово. Цзя Чжу удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Но запомните и другое: своих людей я в обиду не дам. Поместье у нас огромное, слуг без счета, и большинству господ дела нет до их жизней. Случись беда — никто и ухом не поведет, кричи не кричи. Но для тех, кто служит в моих покоях, правила иные. Говорю вам сразу: когда придет время, я не стану насильно выдавать служанок замуж или женить вас, сводя с усадебными холопами против вашей воли. Если кто-то из вас захочет устроить свою судьбу за стенами этого дома — я мешать не стану. Отработаете положенный срок, и если пожелаете выкупить вольную или уйти со службы — отпущу с миром. Ну а если решите остаться при мне, то знайте: пока у меня есть чашка риса, половина ее всегда будет вашей.

Братья пришли сюда, ведомые лишь чувством благодарности и желанием отплатить за спасение. Услышав столь великодушные и разумные слова, они прониклись к молодому господину еще большим уважением.

«А ведь он рассуждает на удивление здраво», — подумали братья.

— Господин проявил к нам великую милость, — в один голос ответили они, низко кланяясь. — Мы готовы безропотно исполнять любые ваши приказания.

Цзя Чжу кивнул и велел принести контракты о найме. Когда бумаги были подписаны, он оставил один экземпляр себе, а второй распорядился тайно направить в присутствие для официальной регистрации, минуя общую бухгалтерию Жунфу. О том, что он взял к себе новых людей, он не стал докладывать ни матушке Цзя, ни кому-либо еще из старших. Самим же братьям велел сказываться двоюродными братьями Чжэн Вэня, приехавшими в столицу в поисках работы.

После этого Цзя Чжу привел старшего брата, Цяньшуана, к главному управителю Жунфу, Лай Да. Формально юношу определили на побегушки и мелкие поручения, но на деле Цзя Чжу хотел, чтобы тот перенял у старого лиса опыт ведения хозяйства и управления делами. Лай Да не зря столько лет занимал пост главного управляющего огромного поместья, умея лавировать между господами и всегда оставаться в выигрыше — ума и хватки ему было не занимать. Лучшего учителя для него было не найти. Юноша отличался преданностью и честностью, так что можно было не опасаться, будто он научится у него воровству и обману. К тому же управляющий, зная, чьим протеже является новичок, побоится склонять его к дурному. Когда придет время и Цзя Чжу решит открыть собственное дело, Цяньшуан станет для него незаменимым управляющим.

Младший же брат, Цяньсянь, был еще слишком юн для серьезных дел. Цзя Чжу, которому пришлось по душе его искренность и простота, оставил мальчика при себе в качестве личного оруженосца и сопровождающего во всех поездках. А когда тот подрастет, для него обязательно найдется дело по плечу.

<http://bllate.org/book/18221/1758025>